

СТАТЬИ

СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ (ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ) В РОССИИ XVI века

Академик М. Н. Тихомиров

В XVI—XVII вв. в России, как известно, действовали сословно-представительные учреждения, получившие название земских соборов. Время их действия было относительно непродолжительным, примерно несколько больше столетия, если считать от так называемого собора примирения 1549 г. до собора, где решался вопрос о воссоединении Украины с Россией в 1653 году. Впрочем, время существования земских соборов в России можно продолжить еще на 30 лет, так как избрание на царство Петра в 1682 г. также было освящено хотя бы видимостью соборного акта. Однако период между 1653 и 1682 гг. — это уже период замирания соборной практики, и последнее обращение ко «всей земле» — это только отзвук потерявших свое значение к концу XVII столетия.

Расцвет соборной деятельности падает на первую половину XVII века. Но нас в настоящем случае интересует не этот период, а другое время — время возникновения и первоначального развития земских соборов во второй половине XVI века.

В исторической науке прочно сложилось представление о том, что в XVI столетии собирались только четыре собора: в 1549, 1566, 1584 и 1598 годах. При этом даже из этих четырех соборов о двух из них имеются только косвенные данные (соборы 1549 и 1584 гг.). Следует отметить при этом, что не только обстоятельства, при которых собрался собор 1549 г., полностью не выяснены, но даже факт созыва этого собора подвергается сомнению. Между тем, как будет видно далее, соборная практика XVI в. знала не только четыре названных собора, но и имела более широкое распространение.

В своей обширной статье «Состав представительства на земских соборах древней Руси»¹ В. О. Ключевский поставил ряд важнейших вопросов, связанных с историей земских соборов XVI века. Статья В. О. Ключевского долгое время еще останется одним из основных пособий по истории земских соборов, но она же явилась и источником таких взглядов на земские соборы, которые направили позднейших исследователей по неправильному пути. Для взглядов Ключевского на соборное представительство характерны тенденции государственно-юридической школы, нашедшие столь отчетливое отображение в трудах Б. Н. Чичерина, которому и посвятил свою статью Ключевский.

В. О. Ключевский смотрел на земские соборы глазами человека, как бы отказавшегося связывать их происхождение и деятельность с социальными процессами, имевшими место в России второй половины XVI века. Поэтому, принимая форму за содержание, он пришел к выводу, что на

¹ В. О. Ключевский. *Опыты и исследования. Первый сборник статей. Издание второе.* М. 1915, стр. 417—550 (далее — В. О. Ключевский. *Состав...*).

соборах «было представительство по служебному положению, а не по общественному доверию» и что даже само «управляемое общество рассматривалось не как политическая сила, способная говорить на соборе устами своих уполномоченных, не как гражданство, а как паства»².

Взгляды В. О. Ключевского сделались общепризнанными в дореволюционной историографии и были повторены без особой критики даже таким крупным ученым-юристом, каким был академик М. Дьяконов. В четвертом издании его книги об общественном и государственном строе древней Руси, выпущенном уже после революции, вновь воспроизведена мысль Ключевского, что на земском соборе, по крайней мере на соборе 1566 г., выборные являлись «не по избранию и уполномочию своих избирателей, а по доверию к ним правительству»³.

Взгляды Ключевского на земские соборы были поддержаны с некоторыми видоизменениями и А. Е. Пресняковым. Однако он уже признал, что земские соборы были «новым и значительным явлением московской жизни — народными, вернее, сословными ее представителями»⁴.

Между тем история земских соборов представится в значительно ином виде, если попытаться глубже заглянуть в источники.

Каким же временем можно датировать созыв первого земского собора в России? Этот вопрос вот уже полтора столетия занимает историков с тех пор, как Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского» впервые опубликовал известие, содержащееся в «Степенной книге» XVII столетия, о первом соборе в Москве при Иване Грозном. В этой книге рассказывается о том, что Иван Грозный на двадцатом году от роду «повеле собрати свое государство из городов всякого чина и в день недельный изыде со кресты на лобное место и, совершив молебная, нача речь говорити к митрополиту». Царь обвинял бояр и вельмож в хищениях и насильствах в годы его малолетства и обещал, что отныне он сам будет «судия и оборона, и неправды разоряти и хищения возвращати»⁵.

Карамзин, впрочем, передал свидетельство «Степенной книги» в переложении на современный ему язык и только часть ее привел в подлиннике (в примечаниях). В полном виде речь царя Ивана IV была помещена в «Собрании государственных грамот и договоров» с датой «1550 года, в воскресенье» как «воззвание» Ивана Грозного⁶.

Самый факт созыва собора не вызывал сомнения у Карамзина и историков XIX в., спорили только о времени созыва собора. Показание «Степенной книги» в том, что во время созыва собора Ивану Грозному шел двадцатый год, вызвало поправку Карамзина, утверждавшего, что царю было не 20, а 17 лет, «если он говорил эту речь скоро после бывшего пожара».

Известие «Степенной книги» долгое время принималось на веру, пока С. Ф. Платонов не написал о нем почти сенсационную в свое время статью. Он доказал, что известие о соборе вставлено в «Степенную книгу» из другого источника. И хотя Платонов прямо не говорил о подложности записи о соборе, состоявшемся в 1547 или 1550-м году, вся его статья приводила к мысли о более позднем возникновении записи. Правда, Платонов подчеркивал, что он отнюдь не настаивает на своих доказательствах. Тем не менее он считал, что возможность подделки может

² Там же, стр. 498—499.

³ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Издание четвертое. М.-Л. 1926. стр. 372.

⁴ А. Е. Пресняков. Московское царство. Пг. 1918, стр. 116. Подробная дореволюционная историография земских соборов дана в книге С. Авалиани. Земские соборы. Одесса. 1910.

⁵ Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Т. VIII. СПб. 1817, стр. 101—103, 340—341 (примечание 182).

⁶ «Собрание государственных грамот и договоров» (далее — СГГД). Ч. II. М. 1817, стр. 45—46. По этому изданию далее и цитируется текст «воззвания».

быть отвергнута только находкой новых списков речей Ивана Грозного или будет подтверждена более тщательным изучением «Степенной книги»⁷.

Статья С. Ф. Платонова оказала большое влияние на историков, писавших о земских соборах. Некоторые из них в основном принимали свидетельство «Степенной книги», стараясь его объяснить. Так, Дьяконов, отмечая указание «на 20-е лето возраста Ивана Четвертого», относил собор к 1549 г., считая, что «собор примирения» и второй церковный собор о чудотворцах были не двумя разными, а одним собранием, так как в Стоглаве имеется указание на какое-то примирение царя с боярами в «прошлое лето», то есть в 1550 году.

Вопрос о соборе примирения заново был поставлен в работах молодых советских ученых. «Степенная книга» подверглась тщательному палеографическому изучению, как и предполагал в свое время Платонов, но надо прямо сказать, что это палеографическое изучение не дало и практически не могло дать материала для решения, откуда появилось известие о соборе в «Степенной книге». В конечном итоге палеографическое изучение привело к мысли о возможности поддельности известия о соборе примирения⁸. Но, естественно, возникает вопрос: во имя чего была сделана такая подделка? И тут открывалось широкое поле для разных догадок. То подделыватель якобы ставил своей задачей провести параллель между концом XVII в. и временем Ивана Грозного, то такая же параллель якобы существовала между эпохой Грозного и Анны Ивановны и т. д. Предполагаемому фальсификатору приписывалось стремление пропагандировать свои взгляды на примерах XVI века. Спрашивается: для кого нужна была такая пропаганда в XVII или в XVIII столетии, могла ли она быть действительной? Ведь какие-то параллели между тем или иным временем можно найти в разных эпохах, и они будут казаться иногда в той или иной мере убедительными; к сожалению, столь же убедительными, как и их опровержения⁹.

Между тем в записи о первом земском соборе имеются несомненные указания на ту среду, из которой она вышла. Эта среда была связана с Алексеем Адашевым и с Челобитенным приказом. На эту именно сторону известия «Степенной книги» и обратил внимание С. О. Шмидт, с глубоким вниманием изучивший источники, относящиеся к деятельности Адашева и Челобитенного приказа, в котором Адашев играл главную роль.

По записи, царь обратился к Адашеву со словами, что он слышал о его добрых делах и ныне «взыскал» его «выше меры», поручив ему «челобитныя приимати у бедных и обидимых». Позднейшему фальсификатору едва ли пришлось бы в голову взять за основу своей подделки малоизвестные факты XVI в., которые сделались более или менее ясными только исследователям XX века¹⁰.

Однако к записи в «Степенной книге» нельзя отнестись и без критического анализа. Ведь перед нами произведение, внесенное в рукопись XVII в. из какого-то особого источника. Что же это за источник?

Важно отметить, что запись о соборе имеет характер некоторого припоминания, сделанного спустя несколько лет после события. Так, автор записи говорит о пожаловании Адашева окольным («и в той день по-

⁷ С. Ф. Платонов. Сочинения. Т. 1. Статьи по русской истории. Издание второе. СПб. 1912, стр. 201—205 (Речь Грозного на земском соборе 1550 г.).

⁸ В этом отношении очень интересна статья В. Н. Автокротова «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века («Труды Отдела древнерусской литературы». Т. XI, стр. 255—279), но конечные выводы автора малоубедительны.

⁹ Скептически относится к речи Грозного и П. Васенко (см. «Журнал министерства народного просвещения», 1903, апрель).

¹⁰ С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». Т. VII, вып. 5. 1950, стр. 445—458).

жаловал в окольные Алексея Адашева и говорил речь ему»), но пожалование Адашева в окольные произошло не в 1549 г., а значительно позже; по С. Б. Веселовскому — в 1555 г.¹¹, по С. О. Шмидту — в 1553 году. Запись о соборе, возможно, взята была из какого-то произведения, вышедшего из прямого окружения Адашева. Возвышение Адашева объяснено его несомненными достоинствами, ему поручается важнейшее дело: он обязан «приносить истину царю». Позднейшие летописцы, как известно, молчат о значении Адашева, если не считать гневных реплик самого Грозного, обвиняющего Адашева и протопопа Сильвестра в полновластии и самовольстве. Значение Адашева в государстве было указано иностранцами, сравнивавшими в конце XVI столетия его положение с положением Бориса Годунова, против чего возражали бояре. Перед нами, может быть, случайный остаток летописной традиции времени «Избранной рады», запись, сделанная вскоре после 1553 г. в кругах, близких к Адашеву, для объяснения его необычного положения в государстве, которое в это время уже начинает колебаться.

В самом «воззвании» Грозного отсутствуют черты, характерные для позднейших подделок. Наоборот, «воззвание» царя на Лобном месте соответствует риторическим приемам Грозного и даже его фразеологии. Так, начало записи — «егда же государь царь и великий князь Иван Васильевич бысть в возрасте 20 году» — напоминает послание Грозного. «Егда же убо всем купно сошедшимся в царствующий град Москву», — читаем в Стоглаве, где помещено и обращение царя к стоглавому собору¹²; «нам же пятнадцатая лета возраста переходящим», — говорит о себе Иван Грозный в послании к Курбскому. Такой способ датировки события понятен в устах Грозного, годы правления которого начались с его младенчества.

Правда, сторонники того взгляда, что запись о соборе примирения является подделкой или, по крайней мере, переделкой, осуществленной в XVII или даже в XVIII в., как раз и видят подтверждение своей мысли в сходстве формулировок «воззвания» с посланиями Грозного и Стоглавом. Позднейший «поддельватель» или «интерполятор» будто бы создавал запись на их основе. Но в этом случае налицо типичная гиперкритика. В самом деле, каким образом указание на двадцатый год возраста царя так удачно совпадает с действительной датой собора в феврале 1549 г., откуда «интерполятор» или «поддельватель» узнал о Челобитенном приказе, о котором имеется так мало известий XVI века? На этот вопрос гипотеза о подделке записи не отвечает.

Запись связывает пожалование Адашева окольничеством с собором примирения. Как раз это обстоятельство и вскрывает кое-какие особенности записи о соборе. По записи, царь говорил Адашеву: «Алексее! взял я тебя от нищих и от самых молодых людей». Такое определение социального положения Адашева считают неправильным и заимствованным из послания Грозного к Курбскому, где он пишет об Адашеве: «Да того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику, в нашего царствия дворе, во юности нашей не свем, каким обычаем из батожников водворившуся»¹³. Нетрудно заметить, что определение Адашева как человека «от нищих и от самых молодых людей» в записи более осторожно определяет социальное положение Адашева до его возвышения, чем послание Грозного, но все-таки отмечает его невысокое общественное положение. Между тем С. Б. Веселовский, знаток русской генеалогии XVI в., причисляет Адашева к зажиточным костромским дворянам. Но что значила эта зажиточность для Грозного, считавшего даже князей

¹¹ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник («Проблемы источниковедения». Сборник третий. М.-Л. 1940, стр. 260—261).

¹² «Стоглав». Издание Д. Е. Кожанчикова. СПб. 1863, стр. 23, 30 и далее.

¹³ «Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л. 1951, стр. 36—37.

Курлятевых и Прозоровских ничтожными людьми! Для молодого царя возвышение Адашева было личным актом его милости, так как молодой костромской дворянин явно терялся среди московской знати, среди княжеских и старинных боярских фамилий. Определение «батожник», данное Адашеву царем, может даже соответствовать действительности. Адашев был рындой при царском дворе, а рынды были обязаны стоять у трона с топориками, украшенными золотом и серебром. И Котошихин сообщает, что за слушание рынд били «перед царским окном при всех людех батогами»¹⁴. Как видим, название «батожник» соответствовало в глазах Грозного прежнему положению Адашева.

Близость терминологии записи о соборе к посланиям Грозного и к его речам, обращенным к Стоглаву, позволяет думать, что перед нами запись, вышедшая из официальных московских кругов как бы в оправдание внезапного возвышения Адашева. Так и Пискаревский летописец¹⁵ связывает возвышение Адашева с поручением ему ведать челобитными в те годы, когда Адашев был временщиком: «Как он был во времени». Тот же летописец косвенно подтверждает и упрек Адашеву со стороны Грозного, что тот сам подвергал людей гонениям: «А кому молвит хомутовкою (то есть обманом.— М. Т.), тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме, или сослану». Пискаревский летописец указывает и время возвышения Алексея Адашева. Это будто бы случилось после возвращения Алексея Адашева из Константинополя, куда он «ездил вместе со своим отцом Федором, посланным гонцом к султану. Доступные нам свидетельства относят поездку Федора Григорьевича Адашева, отца Алексея, в Константинополь к 1539 году. Но могла быть и другая посылка к султану тех же Адашевых. В турецких делах Посольского приказа сохранились сведения о приезде в Москву в качестве посла турецкого купца Мустафы Чилибея в 1549 году¹⁶. Обычно приезд турецких послов был ответом на царское посольство в Константинополь. К этому времени и могло относиться возвращение Алексея Адашева в Москву, который после долгого пребывания при дворе султана мог научиться турецкому языку и стать незаменимым посредником в казанских делах, в которых он и на самом деле принимал большое участие.

К счастью, помимо всякого рода соображений о достоверности записи о соборе 1549 г., имеется и прямое свидетельство о соборе 1549 г., открытое С. О. Шмидтом. В продолжении Хронографа и, что важно, в списке XVI в. сообщается, что 27 февраля 1549 г. в царских палатах и перед всем освященным собором царь говорил своим боярам во главе с Дмитрием Федоровичем Бельским и «иным своим бояром и окольничим и дворецким и казначеем» о том, что от них и от их людей «детем боярским и христьяном чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных многих делех, и, они бы вперед так не чинили», под угрозой опалы и казни. Бояре били челом о своей вине, и царь их пожаловал, не учинил им опалы. «А которые будут дети боярские и христьяне на них и на их людей учнут бити челом о каких делех ни буди, государь бы их пожаловал, давал им и их людям с теми детми боярскими и со христьяны суд»¹⁷.

Как видим, и в «Степенной книге» и в продолжении Хронографа речь идет об одном и том же событии. Разница в том, что «Степенная книга» сохранила речь Грозного, сказанную им на Лобном месте во все-

¹⁴ Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Издание четвертое. СПб. 1906, стр. 62—63.

¹⁵ «Материалы по истории СССР». Вып. II. М. 1955, стр. 56 (далее — Пискаревский летописец).

¹⁶ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), турецкие дела, кн. I (1512—1564), л. 386 и далее.

¹⁷ С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 года («Исторический архив», Т. VII. 1951, стр. 295). Раньше это известие было напечатано по списку XVII в. (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXII. СПб. 1911, стр. 529).

услышание, а Хронограф говорит не о речи, а о самом соборе, состоявшемся в царских палатах, что совершенно естественно для зимнего времени, когда сошелся собор. Но и в том и в другом случае царь говорит о боярских насилиях перед митрополитом Макарием и освященным собором. Духовенство выступает как бы арбитром между царем и боярами.

Хронограф не сообщает об участии дворян и торгового люда в заседании, происходившем 27 февраля 1549 г. в царских палатах, но это становится ясным из дальнейшего. Сделав выговор боярам, царь «и воеводам и княжатам и боярьским детем и дворяном большим то же говорил». Значит, на соборе присутствовала и другая группа соборных участников, дворяне и боярские дети, а не только освященный собор и боярская дума. Царь держит к дворянам особую речь, возможно, в другой дворцовой палате, и жалует княжат, дворян и детей боярских отменой наместнического суда в городах. Это происходит 29 февраля. В этот день царь вместе с митрополитом и боярами запретил наместникам судить детей боярских во всех делах, кроме смертоубийства и краж с поличным, да «и грамоты свои жаловальные о том во все города детем боярьским послал». Так выясняется перед нами участие уже третьей группы соборных представителей, представителей от дворян, несомненно, принимавших участие в соборе 1549 года.

Остается неясным вопрос об участии в соборе торговых людей, но и о них говорится под общим названием «християн», которым также чинились обиды от бояр и других властей. «Християне» Хронографа — это отнюдь не крестьяне, они имеют право бить челом царю. Это сословная группа, которая имеет особые права. В «Степенной книге» прямо сказано, что царь «повеле собрати свое государство из городов всякого чину». Выражение «собрати свое государство» отдает, по словам С. Ф. Платонова, практикой XVII столетия, но какие есть основания настаивать на том, что такое выражение не могло уже появиться в середине XVI столетия?

Возникает вопрос: каким образом появилась форма сословно-представительного учреждения в России, в данном случае земского собора? Откуда был взят образец для первого собора 1549 года? Ответ на этот вопрос найдем в существовании в России XVI в. прочной традиции сословного представительства. Возникновение единого государства в России создавало предпосылки для усиления значения в государстве дворянства за счет боярства. Опору в этой усиливающейся группе феодального класса искал уже, как известно, Иван III. Перед походом на Новгород в 1471 г. он послал «по братию свою и по все епископы земли своея и по князи и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воя своя». Когда призванные «сидошася к нему, тогда всем возвещает мысль свою, что ити на Новгород ратью». Дальнейшие слова летописи — «и мыслившие о том немало» — говорят о прениях на этом прототипе земского собора, пока без участия горожан¹⁸.

М. А. Дьяконов справедливо указал и на деятельность церковно-земских соборов, подобных Стоглаву. Не случайно церковные соборы в России, известные и в более ранние столетия, начинают усиленно действовать с конца XV в., иногда в соединении с боярской думой и даже представителями служилых людей. К ним обращается Иван III и позже — молодой Грозный. Сама форма земских соборов, принятая на соборе 1549 г., начинающаяся молебствием и обращением к митрополиту и освященному собору, повторяется в 1550 году. Отправляясь в поход против Казани, царь 29 ноября 1549 г. прибыл во Владимир и находился в нем до праздника крещения, то есть до 6 января 1550 года. «На завтрее крещения», стало быть, 7 января 1550 г., царь после обедни говорил во Владимирском успенском соборе «боярам и воеводам и княжатам и боярьским детям

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV, М.-Л. 1949, стр. 286.

и детям боярским и дворовым и городовым Московские земли и Новгородские с великим благочестием и наказанием умилне» о нападениях басурман. В ответ «бояре и воеводы и княжата и боярские дети и все дети боярские Московские земли и Новгородские» обещали выполнить царский наказ и воевать с казанскими татарами¹⁹. Хронограф передает ответ бояр и детей боярских на царский призыв. Это настоящая речь, похожая на те постановления соборов, которые встречаются позже. «Поди, государь, з божиею помощию на свое дело, а твое царьское наказание и повеление сугубо восприемлем. Как ты, государь, повелишь, так и делаем». Необычность заседания в церкви не лишает совещание 1550 г. его соборной формы, и мы вправе говорить еще об одном соборе — соборе 1550 г., имевшем место во Владимире.

Нетрудно видеть, что приглашение дворян и детей боярских для решения вопросов войны и мира не было новостью для России середины XVI в., как и участие дворян и детей боярских в соборе.

Краткие сведения о земских соборах 1549 и 1550 гг. позволяют несколько глубже заглянуть и в самую структуру земских соборов. Они возглавляются царем и митрополитом, открываясь традиционным молебном, в иных случаях, может быть, и крестным ходом. Это традиционное церковное торжество, сопровождавшее важнейшие политические события, во время которых, по трафаретному выражению XVII в., духовенство, «взем иконы и кресты», шло на площадь в церковной процессии. Заседание собора, видимо, продолжалось несколько дней, причем представители дворян и детей боярских сидели в особой палате.

Соборы 1549 и 1550 гг. созывались в условиях больших внутренних перемен в России середины XVI века. И не только пресловутые «реформы» Ивана IV стимулировали их созыв, но и тревожное внешнее положение, обострение борьбы с Казанским ханством, которое поддерживала Турция. По своему составу соборы середины XVI в., во всяком случае, собор 1550 г., были «неполными», если следовать терминологии историков-юристов, выдвинувших определение «правильно» и «неправильно» организованных соборов. В соборах были представлены в основном дворяне, участие горожан только предполагается в соборе 1549 г., их совсем не заметно во владимирском соборе 1550 года. И это едва ли случайное явление. Городские круги как бы постепенно включаются в соборную практику. Тем не менее их значение подчеркивает сам Иван IV, приступая к созданию опричнины. Прислав из Александровской слободы «изменный список», царь одновременно адресовал особую грамоту к гостям, купцам и ко всему православному христианству града Москвы. В грамоте сообщалось, что царь не имеет против них никакого гнева и никакой опалой им не угрожает. Пожалуй, самое интересное заключается в том, что царь велел прочитать грамоту «перед гостями и перед всеми людьми»²⁰. Тем самым подчеркивалось особое сословное положение посадского населения Москвы, у которого царь искал поддержки в своих мероприятиях. Термин «христиане», как видим, применяется Грозным в качестве обращения к посадскому населению Москвы, а это подтверждает то, что и под «христианами», за которых царь заступался на соборе 1549 г., надо понимать посадских людей.

Земский собор 1566 г. с особенной полнотой был изучен в названной раннее статье В. О. Ключевского о соборном представительстве. Впрочем, Ключевский интересовался преимущественно составом собора, а не причинами его созыва. Свои заключения он строил на основании сохра-

¹⁹ С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа, стр. 297—298.

²⁰ «Русская историческая библиотека». Т. III. СПб. 1876 (далее — Александровская летопись), стб. 250.

нившегося соборного акта, документа чрезвычайно важного для понимания того, что происходило на соборе. Однако уже С. Ф. Платонов заметил односторонний характер исследования Ключевского, указав на то, что тот полностью игнорировал летописные известия, давно уже опубликованные в печати, в частности рассказ Александро-Невской летописи. А между тем трудно сомневаться в официальном происхождении этой летописи, отражающей взгляды самого Ивана Грозного. Из всех летописей второй половины XVI в. Александро-Невская, пожалуй, самая официальная и наиболее близко отражающая политику Ивана Грозного в период опричнины.

В. О. Ключевский не использовал и опубликованные документы, относящиеся к переговорам России с Польшей и Литовским великим княжеством в 1566 году. В результате этого соборный акт 1566 г. остался единственным документом, на котором он построил свои выводы.

Между тем собору 1566 г. предшествовали длительные дипломатические сношения между царем Иваном Грозным и королем Сигизмундом Августом. 30 мая 1566 г. в Москву приехало литовское посольство во главе с Юрием Александровичем Ходкевичем. В тот же день царь отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а 6 июня, по возвращении в Москву, в первый раз принял литовских послов. Прием состоялся в Набережной палате в Кремле, после чего начались длительные дипломатические переговоры о перемирии²¹. Московские дипломаты требовали возвращения России отторгнутых от нее украинских и белорусских городов, находившихся в ту пору под властью Польши и Литвы. В свою очередь, ряд требований предъявили королевские послы. Это был типичный для средневековых дипломатов запрос. Как литовская, так и русская сторона одинаково понимали, что дело не в этих запросах, а в городах, занятых русскими и литовско-польскими войсками в Ливонии. Русские дипломаты держались твердо, отказываясь от раздела Ливонии, потому что «Вифлянская земля вся вотчина государя нашего». Иван Грозный, впрочем, настаивал не на отдаче России тех ливонских городков, которые были заняты польско-литовскими войсками, а на утверждении за Россией ливонских земель, занятых русскими. Это утверждение предполагалось закрепить перечислением таких городов в перемирной грамоте, куда должны были войти не только Юрьев (Тарту) и Ругодив (Нарва), прочно занятые русскими гарнизонами, но и остров Эзель и другие ливонские земли, считавшиеся датским владением («что и в те места в города королю не вступатися, что за датским»).

Переговоры продолжались до 25 июня, когда обе стороны признали их безуспешность, и боярская дума во главе с царем постановила, что боярину Василию Михайловичу Юрьеву, который стоял во главе русских дипломатов, «к послам ити не с чем». Наступил десятидневный перерыв, после чего 5 июля переговоры возобновились. В перерыве и произошел земский собор 1566 года.

По Александро-Невской летописи, этот собор состоялся 28 июня в присутствии царя и его двоюродного брата князя Владимира Андреевича. В нем приняли участие освященный собор во главе с новгородским архиепископом Пименом, боярская дума и выборные. По летописи, соборное заседание состоялось «со всеми бояры и с приказными людьми да и со князи и с детми боярскими, и с служилыми люди, да и с гостями и с купцы и со всеми торговыми людьми». Основным вопросом, обсуждавшимся на соборе, был вопрос о ливонских городах. Царь спрашивал собор, как поступать в дальнейшем: удовлетворить ли требование литовских послов и записать все ливонские города за королем в перемирную грамоту или нет. Если города записать за королем, то «впередь как за те города и стояти, и пригоже ли ныне за то стояти»²². Второй вопрос носил общий

²¹ Переговоры со всеми подробностями описаны в сохранившихся польских делах Посольского приказа.

²² Александро-Невская летопись, стб. 277-278.

характер и касался основного направления русской внешней политики того времени. Смысл его был таков: вести ли дальше войну за Ливонию или нет.

Польские дела позволяют уточнить, какие вопросы были поставлены перед земским собором. Главным камнем преткновения для заключения мира между Россией и Литовским великим княжеством был вопрос о ливонских городах. Русские дипломаты требовали признания права России на всю Ливонию — «Вифлянская земля государя нашего вся, чего ее делити». Литовские же послы предлагали часть городов передать Ливонии, а те, которые заняты русскими войсками, оставить за Россией. Рядом с этим возникал и другой важный вопрос: о территории, которая должна была остаться при Полоцке, взятом русскими войсками²³. Отказ литовского посольства принять условия Ивана IV и был причиной созыва земского собора.

Собор постановил «крепко стояти» за ливонские города. В подтверждение этого духовенство приложило к приговорному списку свои подписи, за исключением митрополита Афанасия, который в то время оставил митрополию.

Члены собора, «бояре, и приказные люди, и князи, и дети боярские, и гости, и купцы, на своих речех государю крест целовали». Слова «на своих речех» звучат несколько неопределенно. Идет ли речь о «сказках за руками» (то есть о мнениях за подписями) или о действительных речах, произнесенных на соборе, остается неясным.

При всей краткости летописной записи о земском соборе 1566 г. как раз в ней даны такие подробности, которые отсутствуют в соборном акте — «приговорном списке». В частности, и само это название становится известным только из летописи. К тому же точность летописного известия не подлежит сомнению. Достаточно сравнить перечисление епископов в летописи и в приговорном списке, чтобы увидеть полную идентичность имен в обоих документах.

Обратимся непосредственно к приговорному списку собора²⁴.

Прежде всего бросается в глаза четкое разделение собора на несколько групп сословного характера. Впереди всех стоит духовенство — «освященный собор», состоявший из епископов, архимандритов и игуменов. Это сплоченная и влиятельная сословная группа, которая дает «совет» государю: «Мы государю свой совет учинили таков». В. О. Ключевский почти не обратил внимания на эту группу, видимо, полагая, что освященный собор представлял собой как бы своего рода законченное целое во главе с высшими иерархами. Но, присмотревшись к списку членов освященного собора, можно найти среди них представителей далеко не всех монастырей тогдашней России. В соборе не принял участия даже Троицкий игумен, нет игуменов многих больших монастырей Центральной России (Калязина, Ипатьевского в Костроме и пр.), зато представлены игумены Хутыцкого монастыря в Новгороде, Лужецкого в Можайске, Антоньева в Новгороде, Печерского под Псковом, Борисоглебского в Смоленске, Колоцкого под Можайском, не говоря уже о старцах любимого Грозным Иосифова Волоколамского монастыря.

Чем объясняется такое обилие игуменов западных монастырей и отсутствие центральных? Оно становится понятным, если вспомнить, что главной целью созыва собора был вопрос, касавшийся в первую очередь западных русских областей, пограничных с Литовским великим княжеством. Трудно предположить, что все эти игумены и старцы случайно оказались на соборе в Москве. Ведь гораздо легче было вызвать игуменов и монахов из Калязина, Костромы, Владимира, чем из Новгорода и Пскова.

²³ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб. 1892, стр. 386 и далее (№ 16). Посольство Ходкевича.

²⁴ СГГД. Ч. 1. М. 1813, стр. 545—556.

Вторую сословную группу московского собора 1566 г. составили бояре и дьяки, то есть боярская дума. Они уже не дают совет, а лишь высказывают свои соображения и свою «мысль» («ведает бог да государь наш»), говорят о том, что им представляется («а нам ся кажет») наиболее верным.

Однако основой собора 1566 г. явились не освященный собор, не боярская дума, а представители от дворянства и купечества. Еще В. О. Ключевский отметил, что дворяне, участвовавшие в соборе, были по преимуществу теми, имена которых находим записанными в Тысячную книгу 1550 года. Он подчеркнул и то обстоятельство, что в земском соборе приняли участие по преимуществу дворяне западных областей России. Но причины, по которым на соборе были представлены те или иные дворяне, объяснены им односторонне: «Повидимому, на этот собор были призваны дворянские представители только тех уездов, дворянство которых было мобилизовано». Однако предположение о том, что в соборе принимали участие только мобилизованные дворяне, опровергается тем, что летом 1566 г. военные действия между Россией и Литовским великим княжеством велись крайне вяло, наступило нечто вроде перемирия. Ведь с литовскими послами в Москву приехали и литовские купцы (56 гостей), а, по словам Александро-Невской летописи, с послами прибыло несколько сот людей на 1 289 лошадях.

Дворянские представители, названные в приговорном списке, делятся на две статьи, не считая торопецких и луцких помещиков. Кто же принадлежит к первой статье? При внимательном изучении состава дворян первой статьи бросается в глаза прежде всего ее титулованный состав. Из 95 дворян первой статьи более трети были князьями. Это потомки прежних удельных князей, ставших, по терминологии XV—XVI вв., «местными» князьями, служебными князьями при дворе великого князя или его сородичей. В первую статью вошли и знатные боярские роды (Сабуровы, Морозовы, Колычевы и т. д.). Но в этой же «первой статье» рядом с князьями и детьми знатных бояр имеются и дворяне менее знатного происхождения. Дворяне «второй статьи» насчитывают в своем составе также князей, но в целом они явно беднее и ниже по положению дворян первой статьи.

Кого же представляют дворяне обеих статей? Кто они такие: выборные от дворянских обществ по уездам или «мобилизованные головы», начальники дворянских отрядов, как думает Ключевский? Имена большинства дворян обеих статей действительно содержатся в разрядных книгах. Отсюда, видимо, и вытекает взгляд В. О. Ключевского на соборных представителей 1566 г. как на чисто должностных лиц, выраженный им в таких словах: «Существенным и непрременным условием представительства считали не корпоративный выбор представителя, а известное административное его положение, соединенное с властью и ответственностью начальника»²⁵.

Делая такой вывод, В. О. Ключевский как бы забыл о специфических особенностях разрядных книг, куда записывали только начальствующий состав. «Головы» представляли дворянские ополчения по городам и уездам. Их-то и выбирали на собор как наиболее видных представителей, с чем мы встретимся и позже. Насколько трудно порой делать заключения на основании одних имен, показывает то обстоятельство, что среди дворян первой статьи оказался и некий Тимоха Сергеев, названный без «вичи» и униженным или по крайней мере простонародным именем Тимошка. Но в разрядных книгах мы найдем двух Сергеевых с «вичем»: Василия Ивановича и Тимофея Ивановича. Последний и есть «Тимоха» — Тимофей Сергеев. В 1558 г. он ходил к Юрьеву Немецкому (Тарту) в

²⁵ В. О. Ключевский. Состав..., стр. 461—462.

правой руке, в 1560 г. он уже из Юрьева шел на войну в немецкие места в сторожевом полку²⁶.

В сущности, никаких доказательств того, что дворянские представители выступали на соборе 1566 г. как доверенные люди правительства, В. О. Ключевский не дает. Наоборот, имеются прямые указания на то, что на собор были призваны дворянские представители из уездов. Такими были торопецкие и луцкие помещики, представившие своих провинциальных собратий. Они отстаивали свою мысль о необходимости удержать земли Полоцкого повета. На основании тщательного анализа состава дворянских представителей С. Авалиани сделал вывод, что дворяне явились на собор представителями служилых людей «тех самых мест и уездов, где их застал указ об открытии действий собора». Авалиани справедливо подчеркивает, что дворянские представители принадлежали к определенной сословной категории²⁷.

Присматриваясь к заявлениям дворян, мы не найдем в них какую-либо стереотипную форму, которая говорила бы о том, что соборные делегаты отвечали на поставленные перед ними вопросы в угодном для правительства духе. Заявляя о готовности служить государю до самой смерти, за его, государеву, правду, дворяне первой статьи выражают свою «мысль» о том, что Полоцк не может прожить без ближайших поветов. Что же касается Ливонской войны, то, по мнению делегатов, король Сигизмунд совершил великую неправду. Дворяне другой статьи высказывают свою «мысль» еще яснее, предлагая царю «за те же города стояти», но не упоминают о Полоцке.

И еще более живая речь чувствуется в словах луцких и торопецких помещиков: «И мы холопы его государевы за одну десятину земли Полотцкого и Озерицкого повету голову положим, чем нам в Полоцке помереть запертым».

Все это очень далеко от взглядов В. О. Ключевского на соборных представителей 1566 г. как на простых доверенных людей правительства. А между тем и представительство торговых людей на соборе 1566 г. было определено В. О. Ключевским как устроенное совершенно «одинаково» с представительством служилого люда. В представителях торговых людей, утверждал он, будто бы также «видели не столько уполномоченного какой-либо сословной или местной корпорации, сколько призванного правительством от такой корпорации». При этом В. О. Ключевский подчеркивал, что на собор 1566 г. «были призваны представители только от столичного дворянства и столичного купечества».

Однако такой вывод был сделан В. О. Ключевским с полным игнорированием содержания самого приговорного списка, в котором перечислены «гости и купцы и смольняне». В первую категорию включены гости: Глазеев, Офонасьев, Хозников, Никитин, Сузин, два Ивашевых, Подушкин, Тараканов, Котков, Цвилинев, Саванин — всего 12 человек. Казалось бы, можно априорно предположить, как это и делает Ключевский, что все гости были москвичами. Но среди них на третьем месте упомянут Алексей Хозников. Между тем хорошо известен род псковских торговых людей Хозиных, один из которых, Алексей Хозин, назван гостем под 1607 годом. Прозвища Хозиных и Хозниковых крайне близки друг к другу.

В числе гостей упомянут Григорий Федоров сын Тараканов. Фамилия эта известна была в Москве в конце XV в., но позже Таракановы перебрались в Новгород, где, по писцовым книгам, находились дворы гостя Федора Тараканова, Андрея Тараканова, Богдана Васильева сына Тараканова. С большим вероятием к этим новгородским Таракановым можно отнести и Тараканова, присутствовавшего на соборе 1566 года.

²⁶ П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М. 1901, стр. 202, 224.

²⁷ С. Авалиани. Земские соборы, стр. 43.

Участие псковских и новгородских гостей в соборе 1566 г., таким образом, очень вероятно.

Вслед за гостями идет рубрика московских торговых людей («да мы москвичи торговые люди»). Кажется, нельзя возражать против того, что это действительно только москвичи, но и среди них мы находим Поспея Углечанина, Григория Переяславца. Это уже не фамильные имена, а прозвища, которые давались переведенцам из других городов.

Третью группу составляют смоляне. Они так себя и называют: «а мы смоляне». Однако В. О. Ключевский и смолян считает москвичами, отождествляя их с московскими суконниками. Но это толкование не находит подтверждения в источниках. Да и непонятно, почему суконники, в данном случае смоляне, оказались при перечислении участников собора ниже торговых людей. Ведь суконная сотня шла тотчас же за гостиной. Между тем участие смоленских купцов в соборе 1566 г. вполне понятно, так как они были связаны торговлей не только с соседним Литовским великим княжеством, но и с Ливонией. Вопрос о Полоцке имел для них первейшее значение. Смоляне на соборе 1566 г. — это смоленские купцы.

Торговые люди составили особую сословную группу, которая собиралась отдельно от дворян, судя по словам «по государя своего царева и великого князя приказу о литовском деле говорили есмя, и мысль наша то». Торговые люди выражают пожелание, чтобы царь не отступался от ливонских городов и не соглашался на стеснение Полоцка. И снова перед нами как бы слышится живая речь: они возражают против того, что литовские послы дают к Полоцку очень мало земли («и тем городом, как без земли быти, и село без деревень покинути»). Тут же особо выделено мнение смолян — Игнатия Твердикова с товарищами: «И через улицу лихой сосед лихо, а городу без земли, как быти». Простая, но ясная народная мудрость чувствуется в этих словах.

Иной характер носит «мысль» дьяков и приказных людей, выступавших на соборе 1566 г. особой группой. Они говорят кратко, но несколько стереотипно, как и полагалось складывающейся бюрократии. К ним-то, к дьякам и приказным людям, больше всего и подходит формулировка Ключевского о соборных представителях как о доверенных лицах правительства.

Представители от дворян и посадских людей четко выражают свои сословные интересы, но уже не только сословные. С особенной ясностью это высказали торговые люди: «А мы люди неслужилые, службы не знаем, ведает бог да государь, не стоим не токмо за свои животы, и мы и головы свои кладем за государя везде, чтобы государева рука везде была высока». С таким патриотическим призывом обращаются торговые люди к правительству уже в 1566 году. Это неизмеримо далеко от взглядов В. О. Ключевского о соборных представителях как доверенных лицах правительства, взглядов, навеянных ему неприглядной действительностью конца XIX — начала XX в., когда самодержавие даже в черносотенной Булыгинской думе видело опасное свободолобие.

Собор 1566 г. выступает перед нами уже как сложившееся учреждение. Перед ним поставлены основные вопросы, на которые должны ответить представители сословий. Их речи обсуждаются отдельно, как и в сословно-представительных собраниях Западной Европы. И зарождающееся «третье сословие», представленное торговыми людьми, уже выступает в защиту общего государственного интереса. В этой-то среде впоследствии и прозвучит мужественный голос Козьмы Минина, призвавшего «остаточных» людей Русской земли к защите родины.

Земский собор 1566 г. был крупным политическим событием в общественной жизни России середины XVI века. Вероятно, этим и объясняется то, что о нем сохранилось и еще одно летописное известие, переданное А. Барсуковым.

Согласно этому известию, заседание земского собора происходило во дворце. «Неподалеку от царя, сидевшего на троне, разместились за особым столом власти (духовенство). Поодаль на лавке сидели бояре, один за другим в порядке, «кто кого породю ниже, а не тем кто выше и преж в чину, окольные под боярами против того ж» и т. д. Мнения отбирались по группам. Духовенство дало совет не отступаться от Риги, Вендена, Вольмара, Роненбурга, Кокенгаузена, а также и других городов, «которые к государским к порубежным городам ко Псковским и к Юрьевским подошли». Бояре и окольные прямо заявили, что государю мириться с королем непригоже: «Знатно-мол, что послы литовские все говорят о съезде, чтобы мало переманити, и с людьми ся пособрати, и с Ляхи постановление учинити, и Ливонская земля укрепити, и к ней рати прибавити, чтоб вперед больши своего дела королю искати, а по всем де вестем королю еще и самому недосуг; ныне с цесарем у него брань». В таком же смысле поданы были мнения и от остальных групп. Все говорили, чтобы не отдавать королю вышеназванных ливонских городов и землю на правом берегу Двины, принадлежавшую Полоцку, выражая при этом готовность, по приказу государя, «стояти против его недругов, кто во что пригодится и до своего живота».

А. Барсуков скрыл источник, из которого он взял свои сведения, следуя той печальной манере исторического изложения, которая сложилась в конце XIX в. среди некоторых историков, полагавших, что таким образом их книги приобретут еще большую ценность. Но характер его источников довольно ясен. Видимо, он имел два источника для описания собора: 1) приговорный список, напечатанный в Собрании государственных грамот и договоров, 2) какую-то неизвестную нам летопись или отрывок подобной летописи. Соединив эти два источника, Барсуков и дал картину собора.

Источник, которым воспользовался Барсуков, отличается большой точностью, но передает соборные речи в несколько ином виде, чем они даны в приговорном списке. В частности, важно отметить, что Барсуков обозначает соборный акт названием «приговорная грамота», почти так же, как в Александро-Невской летописи (там «приговорный список»). Видимо, летопись, известная Барсукову, передавала, так же, как и Александро-Невская летопись, содержание приговорного списка, дополнив его личными наблюдениями очевидца, присутствовавшего на соборе и передавшего те речи, которые на нем говорились. Эти речи отличаются и своим содержанием от тех речей, которые имеются в изданном приговорном списке. Особенно интересны указания на войну («брань») польского короля с австрийским императором («по вестем», по сведениям). Тем большее значение имеет указание на то, что на соборе «мнения отбирались по группам», как это делалось и позже на соборах XVII века.

Очевидец собора чувствуется и в словах о том, как сидели бояре и окольные. Может быть, и вся запись о соборе 1566 г., переданная Барсуковым, была сделана приказным человеком, если судить по чисто приказному языку приводимых им выдержек²⁸.

В 1580 г. был созван новый собор, впрочем, совершенно неизвестный в нашей исторической литературе. Тем не менее имеются материалы как прямого, так и косвенного характера, свидетельствующие о том, что упомянутый собор состоялся именно в 1580 году. Для этого достаточно обратиться к такому источнику, как дневник осады Пскова и относящаяся к той же осаде дипломатическая переписка. Этот источник почему-то оста-

²⁸ А. Барсуков. Род Шереметевых. Кн. 1. СПб. 1881, стр. 286—287.

вался вне поля зрения исследователей, занимавшихся историей земских соборов, хотя он был издан почти 100 лет тому назад.

В письме смоленского воеводы Филона Кмиты, адресованном королю Стефану Баторию 8 января 1582 г., сообщается об удачной экспедиции литовских войск у Холма (Chelma). Воевода сообщает такое известие: «Там же у Холма и в тех местах захватили в плен детей боярских, а именно, сына боярского Назара Ивановича Дежина, которого поймали на страже, Якова Гарбузова, Дмитрия Голохтионова и других детей боярских, которые единогласно дали сведения, что нигде нет неприятельских войск в этом крае, кроме как в Александровой слободе; тех, которые оберегают здоровье великого князя и никого до него не допускают, за исключением людей, которых бы он к себе сам призвал, оберегаясь того, чтобы его ничем не утруждали. Они сказали и о том, что великий князь в то время имел у себя сейм, желая от всех людей, своих подданных, знать, иметь ли войну или мир с вашей королевской мощей. Они сказали, что всей землей просили великого князя о мире, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин, не имеешь на чем и с чем. И то сказали, что решили мириться с вашей королевской мощей, отдать все города Ифлянтские, чтобы только добиться перемирия. И не только с вашей королевской мощью, но и с другими, и с царем Перекопским. Для этого,— сказали,— великий князь уже отправил к вашей королевской мощи своего гонца из Москвы, дворянина Фому Бутурлина, а великих послов,— сказали,— уже снаряжают, Никиту Романовича с другими думными боярами и с двором своим, и снаряжение их очень богато справлено, которых,— сказали,— вслед за тем гонцом Бутурлиным быстро послали»²⁹.

Филон Кмита получил известие о «сейме» в России от русских пленных, детей боярских, имена которых имеются в разрядных книгах. По существу, перед нами точные показания, даже с передачей характерных русских терминов, принятых для обозначения земских соборов: «все люди», «вся земля», «всей землей просили» и т. д. Явным отголоском речей, произносившихся на соборе, звучат слова: «Больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин, не имеешь на чем и с чем» (речь идет о том, что нет лошадей, «на чем» выступать в поход, и снаряжения для похода («с чем»). Итак, перед нами известие еще об одном «сейме», или земском соборе, завершившем длительную Ливонскую войну. Экспедиция к Холму была совершена в декабре 1580 г., значит, земский собор собирался не позже декабря того года, так как между его заседаниями и известием о нем, полученным боярскими людьми, должно было пройти некоторое время. Целью земского собора 1580 г. было обсуждение вопроса о мире с Речью Посполитой. Вопрос этот дебатировался в России с большой страстностью, и одна из версий о причинах гнева Ивана Грозного на его сына царевича Ивана Ивановича сводится к их разногласиям по поводу Ливонской войны — царь желал мира, царевич говорил о продолжении войны³⁰. Эта версия, вероятно, лучше объясняет царский гнев, чем рассказ Поссевина о недовольстве Грозного непочтительностью его невестки и внезапной ссорой из-за этого между ним и сыном.

Дальнейшие изыскания позволят, вероятно, установить обстоятельства, при которых собрался земский собор 1580 года.

Свидетельство Филона Кмиты о земском соборе 1580 г., основанное на показаниях пленных боярских детей, находит свое подтверждение и

²⁹ М. Коялович. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени. СПб. 1867, стр. 182—183.

³⁰ «Глаголют нещны, яко сына своего царевича Ивана того ради остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова» («Псковские летописи». Вып. II. Под редакцией А. Н. Насонова. М. 1955, стр. 263).

в тех знаменательных словах, которые бояре сказали послу Стефана Батория в 1585 г. по поводу заключения «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой: «Это дело великое для всего христианства; государю нашему надобно советоваться со всею землею, сперва с митрополитом и со всем освященным собором, а потом с боярами и со всеми думными людьми, со всеми воеводами и со всею землею; на такой совет съезжаться надобно будет из дальних мест»³¹. Этот ответ говорит уже о сложившейся практике созыва земских соборов, состоявших из трех частей: освященного собора, боярской думы и «всей земли», выборных. О «всей земле», как сказано выше, говорилось в показаниях боярских детей, взятых в плен под Холмом. Ценно указание на призыв представителей из дальних мест. Ответ бояр может показаться искусственным, но в свете того, что известно о соборе 1566 г., замечания бояр не являются пустыми словами, а свидетельствуют о действительном значении земских соборов как о «великом деле». Поэтому можно думать, что известие о земском соборе 1580 г., дошедшее до нас из вторых рук при посредстве смоленского воеводы, вскрывает возможность найти известия и о других соборах, пока еще нам неизвестных. Эти открытия заполнят тот громадный промежуток времени, который лежит между соборами 1566 и 1580 года.

Мы еще очень мало знаем и еще меньше интересуемся историей представительных учреждений на Руси, отказываясь признавать за ними самый смысл их существования, как учреждений сословной монархии в России XVI—XVII столетий, несмотря на ясные свидетельства источников.

Вопреки мнению Ключевского прямые указания источников на участие в соборах представителей от дальних мест свидетельствуют, что соборная практика уже в конце XVI в. знала созыв выборных из разных концов России.

Новый земский собор сошелся в 1584 г. для избрания царя Феодора Ивановича. Правда, сведения об этом соборе идут из вторых рук, но даже склонный к скептицизму по отношению к известиям о земских соборах В. О. Ключевский придерживается мысли о существовании такого собора³². Он же указывает и на те источники, которые говорят об «избрании» Феодора Ивановича на царство: показания Петрея и Горсея.

Петрей связывает избрание Феодора Ивановича с происками Богдана Бельского, говоря, что для избрания царя «собрались высшие и низшие сословия» («traten sie zusammen hohes und niedriges Standes») ³³. Но особенно важны свидетельства Горсея как современника и очевидца событий. В. О. Ключевский особенно выделяет слова Горсея о том, что царя Феодора Ивановича выбирали на собрании, которое напомнило Горсею английский парламент и на котором была представлена вся знать. Тем не менее Ключевский настаивает на том, что и собор 1584 г., как и предыдущий, по своему составу был административно-дворянским.

Между тем самый факт созыва собора для избрания Феодора Ивановича крайне показателен как факт, свидетельствующий о повышении авторитета земских соборов. В самом деле, для чего понадобилось утверждение Феодора Ивановича на царском престоле, законным наследником которого он был, если бы земские соборы не имели никакого значения? Ответ на этот вопрос мы найдем в политическом положении,

³¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. Второе издание. Изд-во «Общественная польза». СПб. 1896, стб. 558.

³² В. О. Ключевский. Состав..., стр. 476—477.

³³ «Сказания иностранных писателей о России». Т. 1. СПб. 1851, стр. 148.

сложившемся в России в то время. После смерти Ивана Грозного остались два сына: слабоумный или во всяком случае недоразвитый Феодор Иванович и трехлетний Дмитрий Иванович Углицкий. С церковной точки зрения царевича Дмитрия можно было считать незаконнорожденным, как родившегося от седьмой или от шестой жены Грозного, если в последнем случае Василису Мелентьеву признавать не женой, а только «женищей», сожительницей. Эту незаконнорожденность Дмитрия иногда подчеркивали и наши летописцы³⁴. Но для большинства русских людей право царевича Дмитрия на престол казалось бесспорным, так как в нем видели сына царя Ивана IV, чем, собственно, и решался вопрос о правах царевича на престолонаследие.

Насколько было сложным положение в государстве после смерти царя, видно из того, что вскоре же после воцарения Феодора Ивановича в столице произошел мятеж, «и народ восколебался весь без числа со всяким оружием».

Английский агент Горсей, бывший очевидцем событий того времени, говорит о смятении бояр, которым Грозный передал свое завещание. «Все правительство» вышло на дворцовую террасу и приказало головам и стрельцам запереть все ворота в Кремль. Духовенство и бояре наперерыв теснились присягать новому царю.

Собор, избравший на царство Феодора Ивановича, конечно, был подготовлен боярами, «избрание» нового царя было уже predetermined, но дело не ограничилось только одними формальностями и венчанием на царство. В этом отношении очень показательны слова Горсея: «Четвертого мая был собран парламент из митрополитов, архиепископов, епископов, настоятелей монастырей, высших духовных лиц и всего дворянского сословия без разбора; обсуждались многие предметы, не имеющие отношения к моему рассказу; но клонившиеся к новым преобразованиям в правлении. Прежде всего определили срок и время празднования коронации нового царя»³⁵.

Коронация Феодора Ивановича была, таким образом, только одним из обсуждавшихся на соборе вопросов, притом наименее спорным. Рядом с ним «обсуждались многие предметы», связанные с преобразованиями. О характере этих «предметов» Горсей не говорит, но их можно выяснить при тщательном изучении правительственной политики первых лет царствования Годунова. Важно отметить, что Горсей прямо сообщает о собрании «парламента» (а не о подобии парламента, как писал Ключевский), говоря и о составе выборных, которые собрались в Москву через полтора месяца после смерти Грозного.

Пискаревский летописец отмечает, что всей русской землей после воцарения Феодора Ивановича стали править Борис Годунов со своей родней и Андрей Шелкалов с товарищами³⁶. В этой среде и зародилась мысль об избрании Феодора Ивановича на царство земским собором. Тогда становится понятным и то заявление литовского посла Гарабурды, которое ввело русских бояр в смущение в следующем, 1585 году. Гарабурда предложил боярам обменяться записями, по которым признавалось бы, что в случае смерти Стефана Батория на литовско-польский трон должен вступить Феодор Иванович, в случае же смерти Феодора Ивановича русский престол займет король Стефан. В ответ на это предложение бояре могли только пролепетать, что «у нас государи прирожденные изначала... а вы себе выбираете государя, кого выберете, тот вам и государь»³⁷.

³⁴ «А царевич Дмитрий Углецкой от Нагия, шестыя» (см. Пискаревский летописец, стр. 86).

³⁵ Дж. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб. 1909, стр. 110.

³⁶ Пискаревский летописец, стр. 87.

³⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II, стб. 557.

Об избрании или «поставлении» на царство Феодора Ивановича недвусмысленно говорит Псковский летописец: «Поставлен бысть на царство царем... всеми людьми Русские земли».

К соборному решению прибегнул и Борис Годунов, севший на царство по избранию и прошению «всей земли» в 1598 году. К счастью, приговорный список собора 1598 г. дошел до нас с соответствующими подписями. Это обширный и своеобразный документ, требующий большой источниковедческой работы.

В приговорном списке, или «утвержденной грамоте», как бы подводятся итог переговорам земского собора с кандидатом на престол, который вначале не соглашается принять царский титул, а потом по прошению «всей земли» становится государем. Нет никакого сомнения в том, что избрание Бориса Годунова на царство было подготовлено заранее и отнюдь не было избранием народным. Но нельзя представлять себе дело и упрощенно: будто это избрание было достигнуто только грубой силой. По традиции дело изображалось так, будто Борис Годунов не имел никаких прав на престол. Это-де был «раб лукавый», «неведомым способом», «из-за безумного молчания людей» овладевший престолом. При этом старательно умалчивалось о том, что Борис Феодорович был братом царицы, а следовательно, мог иметь претензии на русский престол.

Позднейшие сказания крайне исказили суть и ход событий, происшедших после смерти царя Феодора Ивановича. Поэтому для нас особенно ценны показания Пискаревского летописца, в авторе которого узнается современник царствования Бориса Годунова и непосредственный очевидец событий.

Царь Феодор Иванович умер 6 января 1598 г., и тотчас же возник вопрос о престолонаследии. Единственным бесспорным кандидатом на престол была вдова покойного — царица Ирина Феодоровна, сестра Бориса Годунова, фактического правителя государства. По словам Пискаревского летописца, «бояре и дворяне и вся Руская земля крест целоваше ей, покамест она произволит, кому быть». Упоминание о всей русской земле говорит о том, что царице Ирине целовали крест после совещания, в котором приняли участие, в том или ином составе, представители всей русской земли, то есть земского собора. О том, что царица Ирина была избрана на царство именно земским собором, видно из дальнейшего повествования Пискаревского летописца, соединившего два разных известия о кратком царствовании Ирины Феодоровны. Повторив известие о смерти царя Феодора, летописец сообщает, что царица Ирина приняла власть по благословению и по молению патриарха Иова и остального духовенства, и «по челобитью Руския державы Московского государства бояр и окольных и дворян и всяких чинов людей и всего православнаго христианства, на малое время, покамест бог царство строит от всех мятежей и царя даст»³⁸.

Как видим, перед нами формула, обозначающая земский собор с перечислением всех сословных групп, из которых он складывался. Время собора в этом источнике не указано, но это должно было произойти в январе 1598 г., вскоре после похорон царя Феодора. По летописцу, вслед за этим собор просил царицу Ирину благословить на царство ее брата, а 21 февраля патриарх и все участники собора ходили крестным ходом в Новодевичий монастырь и получили согласие царицы на избрание Бориса в цари.

Свидетельство Пискаревского летописца подтверждается грамотой

³⁸ Пискаревский летописец, стр. 95, 101.

патриарха Иова от 15 марта 1598 года. Патриарх пишет в Казань и Астрахань о воцарении Бориса Годунова, который принял царство «рыданием и прошением» освященного собора, и «для челобитья и слез всех бояр, и дворян, и всяких приказных людей, и всего христоролюбивого воинства, и гостей, и торговых людей, и всего множества крестьянского народа Московского царства и всех государств Российского царствия»³⁹.

Согласие царицы Ирины и Бориса Годунова получено было 21 февраля, а 26-го того же месяца, по грамоте патриарха, состоялся торжественный въезд царя в столицу. Его встретили за Деревянным горьдом «гости Московского государства и всех городов Московского царствия» с царской честью. В другом месте грамота указывает на участие гостей и лучших и середних торговых людей в земском соборе 1598 года.

Сравнивая известия патриаршей грамоты с тем, что сообщается об избрании на царство Бориса Годунова в дошедшем до нас приговорном списке, или утвержденной грамоте, собора 1598 г., мы найдем в них одни и те же даты, но различное освещение событий. Утвержденная грамота подробно передает речи патриарха, царицы Ирины и Бориса Годунова, пространно говорит об избрании Бориса Годунова на царство и о его повторных отказах от царского скипетра. Перед нами отнюдь не документ, утверждающий на царство нового царя, а своего рода объяснительная записка, составленная после того, как Борис Годунов уже укрепился на царском троне. Главное ее назначение — оттенить роль Бориса Годунова, которому царь Иван будто бы завещал «сына своего Феодора и богом дарованную дочь свою Ирину». Позже Романовы также распространяли слух о завещании их родоначальнику Никите Романовичу охранять царство, будто бы сделанное также царем Иваном IV.

Тем не менее утвержденная грамота дает ясно понять, что для избрания Бориса Феодоровича Годунова на царство был созван земский собор. При этом созыв собора мотивируется в утвержденной грамоте как уже вполне сложившийся обычай. В соборе должны были принять участие духовенство, «еже на велицех соборех бывает», государские дети разных великих государств, которые служили царю Феодору Ивановичу, «служивые и всякие люди». Грамота упоминает и о необходимости послать в города за всеми этими категориями соборных представителей.

Заседания земского собора начались 17 февраля. В его состав вошли «освященный собор, и боляре, и дворяне, и приказные люди, и гости, и дети боярские, и всех чинов всякие люди царствующего града Москвы и всея Российския земля, все православные крестьяня»⁴⁰.

26 февраля новый царь въехал в Москву, о чем согласно говорят и грамота патриарха Иова и утвержденная грамота. Но деятельность собора на этом не прекратилась. Следуя примеру царя Ивана, новый царь обеспечил себя некоторыми гарантиями. О них и говорит утвержденная грамота, рассказывающая, что 9 марта патриарх Иов снова созвал земский собор для установления дня венчания Бориса, после чего обратился к собору с предложением утвердить условия, на которых следует целовать крест новому царю. Эта крестоцеловальная запись, включенная в текст утвержденной грамоты, так поразила воображение современников, что ее скопировали и некоторые авторы, позднее писавшие о «смуте в Российском царстве». Ведь она во многом напоминает те записи, которые составлялись при Грозном.

«А на соборе были», — перечисляет утвержденная грамота тех лиц, которые избирали царя Бориса. Первую их группу составил освящен-

³⁹ СГГД. Ч. II, стр. 148.

⁴⁰ «Акты Археологической экспедиции». Т. II, СПб. 1836, № 7, стр. 23—24.

ный собор во главе с патриархом, далее следуют бояре, стрелецкие головы и затем — дьяки по приказам, за ними — дворяне, затем — «из городов же выбор», гости и представители московских сотен. В основном состав собора был примерно тот же, что и в 1566 году. Подавляющую массу его участников составили бояре и дворяне в силу их господствующего положения в государстве.

Возникает вопрос: в какой мере в земском соборе 1598 г. нашло отражение представительство «всей земли»? Был ли собор 1598 г. простой ширмой для избрания давно намеченного кандидата на престол или он имел большее значение?

Пискаревский летописец неблагоприятно отзываясь об утвержденной грамоте, говоря, что царь Борис приказал написать «излюбленную запись» и приложить к ней руки. Это, видимо, относится как раз к той записи, которая дошла до нашего времени и помечена 1 августа. В этой записи и находим как бы два слоя участников собора, так как имена соборных представителей и их подписи не соответствуют друг другу. Но это различие, видимо, проистекало от того, что в утвержденной грамоте были соединены разные документы. Имена участников собора относятся к заседаниям собора в феврале — марте 1598 г., подписи скрепляют документ 1 августа того же года, когда могло состояться новое заседание собора. Отсюда и проистекает то разногласие, которое имеется между именами присутствовавших по утвержденной грамоте на соборе 9 марта, с одной стороны, и подписями над утвержденной грамотой, относящимися к 1 августа, когда она была окончательно составлена, в силу чего и возникли разногласия у разных исследователей даже в определении количества участников собора и его состава.

Таким образом, выходит, что земский собор 1598 г. заседал длительное время: в феврале — марте и в июле — августе 1598 года.

Земский собор 1598 г., конечно, не выражал полностью единодушного мнения даже сословных представителей, но его и нельзя свести к какой-то комедии. Если вопрос об избрании Бориса Годунова на царство был предрешен, то этого нельзя сказать о других вопросах, поставленных перед собором. На это правильно указал в свое время В. О. Ключевский, отметивший прямую ссылку царя Бориса на постановление собора 1598 г. о том, чтобы «дворян быти без мест на нашей службе». Царь приравнял нарушение этого правила к государственному преступлению — «воровству» («и ты почему так воруешь») ⁴¹.

Избирательный собор 1598 г. представлялся значительным явлением даже врагам Бориса Годунова. Новый летописец прямо пишет: «Царствующаго же града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское» ⁴². В этом показании Нового летописца, враждебного Годуновым, особенно интересно свидетельство о том, что представителей на собор выбирали от всех городов и сел. Впрочем, о прибытии соборных представителей из дальних городов России говорит и «утвержденная грамота».

О собрании всех сословий говорит и Буссов в своей Хронике, в данном случае очень достоверной. Он точно указывает срок, после которого собрался земский собор: 6 недель, или по-русски 40 дней, после смерти царя («сорочины»). Он же сообщает о желании выборных земского собора избрать государя, в данном случае Бориса Годунова, что очень не нравилось князьям и боярам ⁴³.

До нас не дошли отклики того, что происходило на соборе

⁴¹ В. О. Ключевский. Состав..., стр. 480.

⁴² ПСРЛ. Т. XIV, первая половина, стр. 50.

⁴³ «Сказания иностранных писателей о России». Т. 1. СПб 1851, стр. 6.

1598 г., но некоторое представление об этом можно составить на основании подкрестной записи царю Борису Феодоровичу, датированной 15 сентября 1598 года.

В подкрестной записи уже не говорится об избрании Бориса Феодоровича на царство, а о благословении его на царство царицей Ириной Феодоровной, по молению «всего освященного вселенского собора и бояр, и князей, и дворян, и приказных людей, и дьяков, и детей боярских всех городов Московского государства, и гостей, и торговых людей, и всего народа крестьянского». Однако, несмотря на «моление» всего народа, запись требует не желать на царство царя Симеона, или его сына, «или иного кого ни буди». Иными словами, уже рисуется картина возможного соперничества Симеона или других кандидатов на престол. Заранее предписывается не устраивать заговоров против царя и его семейства, не отъехать в иные государства, быть в приказах или судах по распоряжению царя и во всем ему «служити и прямити» без хитрости⁴⁴.

Перед нами прямое отражение той избирательной борьбы, которая сопровождала созыв собора, а может быть, и выступлений на нем, подавленных сторонниками «изрядного правителя», Бориса Годунова.

Относительная слабость изученности источников XVI в. позволяет думать, что сведения о земских соборах того времени будут впоследствии существенно дополнены. Изучение правительственных мероприятий, непосредственно следовавших за земскими соборами, может показать их действительность. Пока это, да и то только частично, сделано по отношению к собору 1549 года. Земские соборы XVI в. представляют большой интерес, и можно только пожалеть, что наши ученые отмахиваются от их изучения, повторяя давно устарелые суждения 100-летней и 50-летней давности.

Советская историография не может игнорировать и того общеизвестного факта, что вопрос о земских соборах в условиях бесправной самодержавной России XIX в. — это не только вопрос исторический, но и политической. Большой научный авторитет В. О. Ключевского в свое время отодвинул в сторону предшествовавшие ему работы В. Латкина⁴⁵. А между тем статья В. О. Ключевского носила тенденциозный характер и преследовала определенную политическую цель. Общие политические рассуждения не только занимают в ней очень большое место, но и предшествуют всем его выводам. Статья появилась в период начавшейся в 1890—1892 гг. реакции, отразив на себе все особенности умеренного либерализма, точнее, соглашательства, с царским правительством, которое было характерно для Ключевского. По своим выводам эта прославленная статья, повторяемая без критики и в более поздних трудах, безусловно, стояла ниже книги Латкина.

Задача советских ученых — обратить внимание на историю земских соборов как сословно-представительных учреждений и критически разобрать свидетельства и о других представительных учреждениях XVI века. Стоит обратить внимание хотя бы на то обстоятельство, что иноземные авторы обозначали земские соборы такими терминами, как «парламент» (Горсей) или собрание сословий (Stände) у немецких и голландских авторов.

Данная статья — только попытка заново поставить вопрос о земских соборах XVI столетия.

⁴⁴ «Акты Археографической экспедиции». Т. II, № 10, стр. 57—61.

⁴⁵ В. Латкин. Земские соборы древней Руси. СПб. 1885.